

УДК 13

Философия религии В.И. Несмелова. Сотериология**Поздняков Алексей Алексеевич**

Кандидат исторических наук, доцент,
Орловский государственный институт культуры
302020, Российская Федерация, Орел, ул. Лескова, 15;
e-mail: radavoy@yandex.ru

Аннотация

В данной статье автором анализируются отдельные аспекты философии В.И. Несмелова. В частности, его понимание сущности религии как единства «богосознания», «богоподобия» и «богопочитания». Сам факт личного бытия в безличном мире является подлинным и неустранимым основанием религии. Проводится различие между «естественной религией» и «религией Откровения». Философия дохристианского мира рассматривается как неудачный опыт построения учения о спасении. Христианство предстает как особенный, «чудесный» факт истории. Исследуются основные принципы христианской сотериологии: источники зла и греха, необходимость спасения и Спасителя.

Для цитирования в научных исследованиях

Поздняков А.А. Философия религии В.И. Несмелова. Сотериология // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 5А. С. 129-143.

Ключевые слова

Философия религии, философская антропология, духовно-академическая философия, христианство, «естественная религия», сотериология, В.И. Несмелов.

Введение

Философия религии – одно из значимых, «растущих», по выражению В. К. Шохина, направлений современной философии [Шохин, 2010, с. 8]. Как самостоятельная область исследований она формируется во второй половине XVIII в. В России философия религии создается при активном участии ученой братии духовных академий. В. Д. Кудрявцев – Платонов, А. И. Введенский, С. С. Глаголев, П. Д. Юркевич внесли существенный вклад в становление названной дисциплины.

Особое место в череде этих талантливых авторов принадлежит профессору Казанской духовной академии В.И. Несмелову. Его главный труд «Наука о человеке» увидел свет на рубеже веков (первый том вышел в 1898 г., второй в 1903 г.) и вызвал противоречивые оценки. Митр. Антоний (Храповицкий) услышал в этой работе «философскую музыку» и счел ее вполне согласной с данными Св. Писания и Предания, а, например, доктор богословия проф. Е. А. Бударин увидел лишь копию идей В. С. Соловьева, не позволительную, как он считал, для православного богослова [Гаврюшин, 2018]. Высокую оценку творчества В.И. Несмелова дал Н. А. Бердяев: «Несмелов – самое крупное явление в русской религиозной философии, вышедшей из духовных академий, и вообще один самых значительных религиозных мыслителей» [Бердяев, 1999, 186]. «Наука о человеке» обсуждалась в Петербургском религиозно-философском обществе (1909 г.), свои отзывы предложили преподаватели СПбДА Л. Д. Андреев и В. В. Успенский, такие яркие фигуры эпохи как А. В. Карташев и Вяч. И. Иванов [Федотова, 2008]. Философия В.И. Несмелова, таким образом, постепенно становилась общим достоянием отечественной интеллектуальной среды. Позже она становится объектом внимания составителей масштабных обзоров по истории русской мысли, например, Г. В. Флоровского и В. В. Зеньковского [Флоровский, 1991; Зеньковский, 1999].

Должной оценки, все-таки, в дореволюционный период философия В.И. Несмелова, на наш взгляд, не получила, тем более, это относится к советской эпохе. Сегодня интерес к его наследию постоянно растет. Можно отметить работы еп. Константина (Горянова) [Константин (Горянов) еп., 1998], Н. К. Гаврюшина [Гаврюшин, 2005], А. В. Добина [Добин, 1996], Д. М. Дремлюгина [Дремлюгин, 2000], В. Н. Замилова [Замилов, 2004], С. М. Половинкина [Половинкин, 2016] и целого ряда других авторов. Мы в своей статье, в опоре на метод историко-философской реконструкции, предполагаем рассмотреть лишь некоторые аспекты философии В.И. Несмелова.

Сущность религии

Архиепископ Антоний (Храповицкий) писал о «несмеловском» доказательстве бытия Бога [Антоний (Храповицкий) еп., 1900]. Попробуем с ним разобраться. Сам факт присутствия в этом механистически детерминированном мире личного бытия является главной темой философских исследований. Философия может быть определена как «специальная наука о человеке». С объяснением закономерностей феноменального мира прекрасно справляется наука. Но перенесение этих исследовательских принципов на изучение внутреннего мира человека представляется ошибочной установкой.

Объективная реальность дана нам как совокупность феноменов, явлений, как содержание нашего сознания. Конечно, В.И. Несмелов не предлагает смотреть на сущее в индо-буддистском

духе, как на некую иллюзию и «покрывало Майи». Тем не менее, философская позиция, согласно которой «мир есть представление», по существу, верна. «Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно отмечено печатью этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта. Мир есть представление», - утверждал А. Шопенгауэр [Шопенгауэр, 1992, 54].

Философская антропология В.И. Несмелова основана на анализе сознания, прежде всего. «Религиозная антропология в пределах только сознания», - так ее характеризует Н. К. Гаврюшин [Гаврюшин, 2005, 64]. Он весьма скептически относится к категории «бессознательное», получившей такое широкое распространение уже в XX в., благодаря психоанализу, но и во время написания «Науки о человеке», активно обсуждавшейся. Процессы, которые могут быть таким образом охарактеризованы, просто не следует относить к сфере психического. Душевная жизнь – это осознанное существование.

Если внешний мир есть система представлений, то внутренний мир дан нам непосредственно. Бытие вещи для нас удостоверяется исключительно сознанием. «Сознание самого сознания (самосознание)» есть обнаружение бытийной подлинности. С очевидностью данная «метафизическая сущность».

Свободно-разумное личное бытие не выводимо из фактов материальной природы. В определенном смысле человек – это, конечно, животное и часть реальности биологической, химической, физической. Вещь среди вещей. Внутренний мир, сокровенное наше «я» не сводимы к этому «вещному» бытию. Так мы обнаруживаем главное противоречие человеческой жизни и, одновременно, источник религии, а именно: присутствие в мире тел «одушевленного организма», личное начало в безличном космосе.

Человек сознает себя причиной и целью своих действий, но в то же время, он подчинен общим закономерностям мироздания и включен в природные процессы. «Свободно-разумное бытие для себя», «субстанциальная личность» – вот базовые категории философии В.И. Несмелова, из них мы должны исходить. Явления внешнего мира – это некая «обстановка», в которой действует субъект, а тело – «форма собственного существования личности».

В какие бы обстоятельства не попадал человек, внешние условия всегда лишь повод для осуществления свободной деятельности по закону целей и средств, а не причин и следствий.

Вернемся к основному, обнаруженному нами, противоречию. Мы имеем волю к «духовно-идеальной» жизни и, при этом, ясное понимание невозможности осуществить ее в границах физического мира. В самом себе, в сверхприродном содержании своей личности, мы обнаруживаем указание на реальность «безусловного бытия». Не сам по себе человек есть «безусловное бытие», это не так, наше тело, наша «вещность» свидетельствуют против, но образ его. «Образ безусловного бытия не создается человеком в каких-нибудь абстракциях мысли, а реально дан человеку природой его личности», — вот основное положение философии В.И. Несмелова [Несмелов, 2017, т. 1, 256].

Образ указывает на Первообраз. Личное бытие в безличной вселенной есть свидетельство неотмирного истока его. Собственно, в этом и заключается «несмеловское» доказательство бытия Божьего. «В идее Бога выражается сознание человеком реального бытия живой личности, обладающей могуществом свободной причины и достоинством подлинной цели. В этом сознании заключается все содержание идеи Бога, и это содержание является единственным содержанием человеческого богосознания», - утверждает философ [Несмелов, 2017, т. 1, 263].

Весьма интересна, в рамках представленной проблематики, позиция Л. Фейербаха. Для него

религия есть как-бы перевернутое сознание. Из верной интуиции здесь делается неправильный вывод, искажается действительный порядок вещей, ставится «с ног на голову». В.И. Несмелов возвращает подлинную логическую и бытийную последовательность: «от образа Бога» к Богу. «Реальная идеальность» человеческой личности утверждает существование Бога как истинной Личности. Л. Фейербах видел в религии форму самообожествления человечества, когда лучшие качества нашего рода идеализируются, персонифицируются и «переносятся на небо». Религия «есть разлад человека с его собственной сущностью» [Фейербах, 1926, 55]. Позиция, которая, по мнению В.И. Несмелова, представляет собой «психологическую невозможность». На самом деле «богосознание» определяется противоречием между нашим условным бытием и «безусловным характером личности». «Богосознание» не есть результат ряда логических умозаключений, а реально и непосредственно переживаемое нами столкновение чувственного и сверхчувственного. «Огромную заслугу Несмелова можно кратко выразить так: основная мысль Фейербаха об антропологической тайне религии обращена им в орудие защиты христианства», - отмечал Н. А. Бердяев [Бердяев, 1910, 295].

Существует ли иной мир или нет, мы точно знать не можем, но то, что уже здесь мы имеем дело с бытием «сверхчувственной личности», оспорить невозможно. «Образ Божий» не одно из наших богословских понятий, он «представляется самой человеческой личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в себе самом» [Несмелов, 2017, т. 1, 276]. Следовательно, цели жизни человека не могут сводиться к поддержанию физического существования только, мы должны явить собой в этом мире «живой образ невидимого Бога». В этом В.И. Несмелов видит суть религиозного сознания.

Традиционно религия определяется как союз Бога и человека. Еще Лактанций возводил «religio» к «religare» («связывать»): «Мы соединены и связаны [religati sumus] этими узами благочестия с Богом, отчего и сама религия получила свое имя» [Лактанций, 2007, 296]. Строго говоря, такое определение подходит только к христианству. Так называемые «естественные религии» не могут быть реальным союзом, но только верой в общение с Богом.

В большинстве случаев рассуждения о сущности религии и ее происхождении завязаны на анализ внешних условий жизни человека, в то время как значение имеет только факт личного бытия в безличном мире. Не воля к обретению благ или даже счастья составляет суть религии, а стремление к богоподобию. «Действительная сущность религии выражается только идеей богоподобия», - утверждает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 1, 294].

Усилие, направленное на достижение столь амбициозной задачи, с необходимостью обнаруживает наше несовершенство, невозможность достигнуть поставленной цели в опоре на собственные ресурсы. Человек не самодостаточен, он не в состоянии вполне реализовать собственную идеальную природу. В этих обстоятельствах нельзя не преклониться перед беспредельным величием Бога и не молить Его о помощи. Богопочитание – еще одно важнейшее качество религиозной жизни. «Таким образом, исследование природы религиозного сознания позволяет нам определить религию как живое стремление человека к действительному отображению в мире Бога путем свободного уподобления Богу. И раскрытие природной связи религиозного сознания с нравственным содержанием жизни позволяет нам указать существенное выражение религиозной жизни в свободном поклонении человека Богу, или в богопочитании», - подводит итог В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 1, 297].

Христианство утверждает, что истинные цели человеческой жизни могут быть достигнуты,

но при прямом участии Бога. Посредством Его пришествия в этот мир, воплощения и вочеловечивания, крестной смерти, воскресения и вознесения. В этом пункте нам пора перейти к проблематике сотериологии.

Чудесный факт христианства

Второй том «Науки о человеке» посвящен преимущественно проблемам сотериологии. Если первый том представляет собой «традиционный» философский текст, а собеседниками автора выступают Декарт, Кант, Фихте, Фейербах и другие «классики», то второй том обращен в большей степени к богословской тематике. На его страницах мы встретимся со свв. Афанасием Александрийским, Григорием Богословом, Григорием Нисским, Иоанном Дамаскиным и иными великими отцами. В.И. Несмелов – православный христианин, преподаватель духовной академии, человек глубокой и искренней веры. Понятно, что при таких исходных данных, мы имеем согласие с общими принципами православного учения о спасении. Однако, есть ряд весьма оригинальных трактовок некоторых тем, на которые мы и обратим внимание.

Идея спасения была известна и древнему миру, правда, в «условно-ограниченном» содержании. Сам факт переживаемых человеком страданий и, в особенности, ужас смерти, заставляют искать спасения. «Поэтому идея спасения в смысле достижения жизни, свободной от всяких страданий и от страшного призрака смерти, фактически, всегда выражает собой необходимую цель всей вообще произвольной деятельности человека», - отмечает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 483]. Впрочем, надежда своими усилиями достичь беспечного существования тщетна, для этого необходимы всеведение и всемогущество. Следовательно, разрешение проблемы переносится из сферы «рассудочно-практических соображений» в сферу религии. Спасти, очевидно, может только Бог, но желает ли Он этого?

Для человека «естественно» думать, что, если он искренне служит Богу, значит, заслуживает и Его покровительство. «Естественно-религиозное мышление» занято в основном разрешением одного вопроса – как угодить Богу? На этом пути нас подстерегает опасность, которая и реализуется в истории – создать свое представление о счастье и получить его сверхъестественные гарантии, в крайнем случае, в будущей жизни. На этой почве выстраивается особая система религиозно-юридических отношений – необходимо выяснить в чем заключается воля Божия и исполнить ее.

Богооткровенную религию имели древние евреи, но и в их национальном сознании ее истины нередко искажаются, огрубляются, «приземляются». Сама идея Спасителя – Мессии приобретает черты узконациональные и политически актуальные. Мессию ждут как освободителя от инородной власти, как царя и политического лидера, как гаранта грядущего могущества богоизбранного народа. «К сожалению, уже из ветхозаветных иудейских апокрифов мы видим, что ожидаемый иудейским народом Спаситель представляется в них не религиозным только, но вместе и политическим, или, вернее, теократическим Мессией», - отмечает священник Тимофей (Буткевич) [Буткевич, 2007, 192]. Как это все непохоже на проповедь Иисуса Христа.

Религия и в этом случае приспособляется к земным, посясторонним нуждам и чаяниям. Иудеи, в массе своей, не смогли возвыситься над «естественно – языческим» пониманием спасения.

Свое толкование идеи спасения имела и языческая философия. В лице лучших своих

представителей она сформулировала необходимость нравственного совершенствования и задачи достойной жизни. Если в религиозной практике своей язычник-суевер думал лишь об изменении внешних условий жизни, то «философ – язычник сумел возвыситься до моральных страданий за неправду жизни и думал о спасении, как об изменении самого человека согласно с познанием об истинной природе и о подлинной цели его» [Несмелов, 2017, т. 2, 497].

Казалось бы, можно вести речь о «христианах до Христа», а античную философию рассматривать как путеводительницу к истинной религии, но есть определенные сложности. Дело в том, что, поставив перед человеком действительно высокие цели, мыслители древности обратились к поиску путей их реализации и пришли к следующим выводам. Было решено, что все несчастья человека происходят от связи бессмертного духа и смертного тела. «Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно - и то же в высшей степени – наше тело», - читаем, например, в «Федоне» [Платон, 1998, 412 - 413]. Земная жизнь уподобляется темнице, месту заключения бессмертного духа, который когда-нибудь вернется на небесную родину. Языческая сотериология ориентирует своих адептов на полное освобождение от оков плоти через познание истины о человеке, как духовном существе.

Открытый философами достойный образ жизни представляет собой подготовку к расставанию бессмертного духа с тленным телом. Так реализуются подлинные цели бытия без прямого божественного вмешательства. Если Бог и организует некий «чувственный» рай, то обретается он, опять же, как естественное следствие определенного образа жизни. Жизни, понятой как «бегство из мира с целью восхождения к свету вечного мира». «Если ты, тело покинув, в свободный эфир вознесешься, станешь нетленным и вечным и смерти не знающим богом», - цитирует В.И. Несмелов строфы из «золотого стихотворения» пифагорейцев [Пифагорейские Золотые стихи, 2000, 12].

Познав истину, человек уже не может вернуться к скотскому существованию. Это психологически невозможно. Проблема в том, что не явился еще ум настолько мощный, что убедил бы всех и пленил красотой истины. Если языческие философы и надеялись на помощь Бога, то только в качестве глашатая истины, о спасителе мира они и не помышляли.

Христианство указывает на греховность человека и учит о спасении. В этом оно вполне согласуется с общим религиозным опытом человечества. Христианство, сверх того, указывает и на некое необходимое условие спасения. «Действительность этого условия оно ставит в полную и безусловную зависимость от исторического факта крестной смерти и воскресения Христа как истинного Сына Божия», - указывает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 507]. Вне Христа и его искупительного подвига праведность и воля к моральному совершенству недостаточны.

Священное Писание представляет спасение как «прощение грехов человека и примирение его с Богом жертвенною кровию и смертью Христа» (Рим. 8,3; 2 кор. 5. 21; Колос. 1, 20; Евр. 1, 3; Петр. 3, 18; 1 Иоан. 2,2), «рождение человека к новой жизни силой воскресения Христа» (1 Петр. 1,3; Ефес. 2, 4-5; Колос. 2, 11-13; Тит. 3,5), «благодатное усыновление человека Богу через освящение его Духом Святым» (Иоан. 1, 12; Рим. 8, 14-16; Галат. 3, 26; 4, 5-6) [Несмелов, 2017, т. 2, 515]. И если прощение грехов и примирение с Богом говорят об изменении отношений человека с Творцом, то возрождение и «усыновление» об изменении самой природы человека.

Любые попытки толковать идею спасения как результат нравственного прогресса, как

исполнение закона и обретение заслуг, как умилоствление Бога мольбами и жертвами, уводят от сути христианского вероучения. Мы видим, что «естественное» религиозное сознание видит спасение (если это понятие все еще уместно) в развитии нравственной жизни, в исполнении заповедей, в ритуальных действиях, жертвах и молитвословиях, но не видит нужды в чудесном акте Боговоплощения. Таким образом, не ведет дорога религиозной эволюции или логика развития философских учений к христианству. Христианство не одно из многих учений, но некий чудесный факт. Факт, засвидетельствованный очевидцами, который можно поставить под сомнение только заранее заняв гиперкритическую, предвзятую позицию.

Упорствовать в отвержении данного факта можно либо в случае принципиального отказа признавать саму возможность сверхъестественных событий, либо при убеждении в крайней нелепости христианского учения о спасении посредством страданий, смерти и воскресения Сына Божьего.

Действительно, содержание христианского вероучения не вмещается в наше сознание, не может быть до конца рационализировано. Христианство вовсе не противонаучно, но в то же время непостижимо. Мы лишь с доверием воспринимаем проповедь апостолов, согласно которой «спасение человека не может совершиться иначе, как только воплощением и смертью Самого Бога» [Несмелов, 2017, т. 2, 584].

Сущность зла

Если мир мыслится как откровение Бога, но при этом очевидны и факты его несоответствия своему предназначению, виновным в этом считает себя человек. Несовершенство мира, впрочем, может рассматриваться и как несовершенство творения. Сам Творец может мыслиться вовсе не как абсолютное благо, примером чего могут служить некоторые гностические системы. «Космос – беда, а рождение – катастрофа», - так думали некоторые представители враждебных христианству групп [Чёртон, 2008, 100].

Истоки зла мифология многих народов видит в падении человека. Это широко распространенное предание подтверждается присущим человеку чувством вины. Виновность переживается как отпадение от Бога, нарушение Его воли, попрание заповедей, а значит, абсолютизация своей воли.

В Библии Бог создает мир, наделяя стихии креативными потенциями. Человек же сотворен особым способом. Да, тело создается «из земли», но душа несет в себе «образ Божий». Весь мир для человека был «необъятным храмом его чистого служения Богу». Как в мире сотворенным всеблагим Богом возникло зло?

В.И. Несмелов обращается к ангелологии. Ссылаясь на «Книгу Иова»: «И в ангелах своих усматривает недостаток» (Иов, 4, 18), он описывает природу ангелов, как способную к развитию и совершенствованию. Среди бесплотных духов должны существовать различные формы служения, вызванные преобладанием того или иного чувства при созерцании совершенств Божиих. Сами чувства могут иметь различную интенсивность, «степень энергии». А. И. Введенский выделял три формы религиозного чувства, впрочем, исследуя лишь человеческую природу: - мистико-познавательную – восприятие божественных внушений; - мистико-эстетическую – преклонение перед Его совершенством; - нравственно-мистическую – любовь к Богу [Поздняков, 2017]. Соответственно, и в духовном мире формируется определенная иерархия. В.И. Несмелов берется объяснить причины катастрофы в «невидимом» мире. Один из высших духов, по мнению некоторых отцов первенствовавший в бесплотном мире, «самый

первый светоносец» (св. Григорий Богослов), «возгордился» (1 Тимоф. 3, 6) и «возымел желание подчинить себе мир, чтобы заменить собою для него Бога» [Несмелов, 2017, т. 2, 673].

Бесплотные духи не рождаются и не умирают, не стареют и не несут бремени физического тела. У них нет оснований думать о себе как о «произведении мирового бытия». Но поскольку они все-таки не вечны, а пришли в этот мир, у них нет никаких сомнений в бытии Бога, как у нас нет сомнений в том, что земля возникла раньше нас самих. «Первое светило духовного мира» осознал по чьей воле он существует, как и все прочие ангелы, но возжелал «Божеской чести» и потому увидел в Боге врага, и возненавидел Его. Перенося свои горделивые мечтания на Творца, он, как можно предположить, обвинил Его в том, будто Бог создал их исключительно, чтобы властвовать и наслаждаться славословием.

В.И. Несмелов предполагает, что злой дух соблазнил часть ангельского мира следующими помыслами: во-первых, Бог якобы создал мир из эгоистических соображений; во-вторых, при иных условиях бесплотные духи могли бы достичь больших степеней совершенства; в-третьих, их интересы не тождественны планам Бога. Часть ангелов действительно последовала за клеветником и была низвержена духовными силами во главе с архангелом Михаилом, разоблачивших их ложь и подлинные мотивы искуителя.

Местом приложения своих сил падший дух делает землю. Пораженная явлением говорящего змея, Ева вступает с ним в диалог. В результате, поддавшись соблазну, она иначе смотрит на «древо познания». Оно предстало ей «хорошим для пищи», т. е., в толковании В.И. Несмелова, ничем не отличалось от других деревьев, и стало «приятно для глаз», т. е. красивым, не таящим опасности. Познание добра и зла представилось не страшным, а желательным. Итак, волей разумных созданий – высшего небесного духа и людей - в мир вошло зло.

В христианском богословии грехопадение осмысливалось в трех аспектах: 1) человек «бесконечно оскорбил беспредельно-великого Бога»; 2) заразил грехом все свое существо; 3) вызвал губительные последствия греха как в своей собственной природе, так и в природе внешней [Несмелов, 2017, т. 2, 687].

В.И. Несмелов предлагает свое прочтение священного текста, впрочем, в пределах православного предания. Задача искуителя, в его трактовке, состояла в том, чтобы вызвать в Еве чувство вражды с Богом. Этой цели ему не удалось достичь. Ева действует не из сознательного противления воле Бога. Если бы она задумалась о сути данной людям заповеди, то несомненно пришла бы к выводу, что духовный рост, нравственное совершенство и полнота ведения обретаются через доверие к Богу, послушание и исполнение Его воли, а не посредством тех или иных внешних действий. Но в том то и дело, что в момент прегрешения Ева не думала о заповеди, но лишь о легком пути обретения духовных даров (как ей казалось). Она прельстилась простейшим путем обретения божественного знания о добре и зле.

Само стремление к такому знанию обусловлено не гордостью, не безумной мыслью уравниваться с Богом, но желанием достойно Ему служить, зная добро и зло. «Следовательно, она преступила Божию заповедь только по несчастной ошибке, то есть не на зло Богу, не в видах намеренного противодействия воле Его, а лишь на мнимое добро себе самой, именно в видах достижения того высокого ведения, которого люди, несомненно, желали и к которому они, несомненно, стремились, но которого в действительности они пока еще не имели», - делает вывод В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 690].

Первым следствием грехопадения стало обнаружение наготы, стыд и желание прикрыться. Почему именно такая реакция? Люди ожидали немедленных изменений и с вниманием рассматривали собственное тело, любовались собой, надеялись разглядеть признаки высшей

природы. Обнаружили нечто иное – свою близость к животному миру. Речь идет не о половой стыдливости, не о плотской страсти, которая вряд ли имела место в данных обстоятельствах, но именно о стыде от близости к только животному началу. В. С. Соловьев в одной из лучших своих работ «Оправдание добра» так характеризует этот важнейший факт нашей жизни: «Чувство стыда не есть только отличительный признак, выделяющий человека (для внешнего наблюдения) из прочего животного мира: здесь сам человек действительно выделяет себя из всей материальной природы, и не только внешней, но и своей собственной» [Соловьев, 2012, 127].

Вскоре ошибка была осознана. Пришло понимание, что заповедь нарушена, они преступники. Попытка «скрыться» от Бога вызвана именно наступившим пониманием произошедшего. Адам и Ева скрываются не от суда Божия, а только от лица Его, чтобы не увеличить свою душевную муку. Дальнейшая беседа и признание вины не заканчиваются просьбой о прощении. Единственное объяснение этому, считает В.И. Несмелов, признание своего преступления неизвинительным. Люди слишком любили Бога и потому не прощали сами себе. Христианские мыслители часто интерпретировали библейский рассказ в том духе, будто бы прародители пытались снять с себя вину и переложить ее на чужие плечи – Адам обвиняет Еву, а Ева змея, а косвенным образом винят и Бога. В.И. Несмелов так не считает. Он видит в Библии честное признание Адама и Евы. Они не пытаются оправдаться, и в этом контексте гораздо логичнее слышать обетование о спасении.

Предложенная экзегеза исключает представление об оскорблении Бога, вина прародителей заключается, прежде всего, в том, что они хотели достичь духовных вершин, по сути, магическими действиями, без всяких усилий с их стороны. Люди изменяют своему предназначению, как свободно-разумные деятели они находились в особых отношениях с Богом, как существа материальные, они должны были использовать тело для решения духовных задач, тем самым одухотворяя и возводя к Богу весь мир. В противоположность этому, решили добиться целей чисто внешними средствами. «Этим неразумным поступком они унизили себя до положения простых вещей мира и обесмыслили все мировое существование», - пишет В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 698].

Итак, человек поставил себя в ненормальные отношения к Богу и космосу. Он должен был исполнить свое предназначение и посвятить жизнь раскрытию в мире «образа Божия». В то же время, ему теперь необходимо обеспечить свое физическое выживание, вступить в борьбу за существование. Окружающий мир стал для него не величественным храмом, прославляющим Творца, а ареной борьбы с грозными противниками. Человек не может отказаться от обеспечения своих телесных потребностей, но судит себя «по нравственному закону духовного совершенства». История Каина показывает, как даже религиозные деяния подчиняются материальным обстоятельствам. В трактовке В.И. Несмелова, Каин огорчился не потому, что его брат оказался нравственно совершеннее. В этом случае он желал бы ему подражать, а потому, что увидел в нем конкурента в борьбе за ресурсы, предоставляемые Богом. Как выяснилось, религия может иметь отношение не только к нравственному развитию личности, но может выражать и «рассудочно-утилитарное мировоззрение человека-вещи» [Несмелов, 2017, т. 2, 711].

Человеку, сознающему себя нравственной личностью, ведомо к чему он призван. «Загадочное сознание безусловного идеала условной жизни человек фактически носит в себе только для осуждения себя» - такой напрашивается вывод [Несмелов, 2017, т. 2, 733].

Сотериология

Совершенно по-особому раскрывается в Евангелиях учение о Божием Царстве. В дохристианском мире оно мыслилось как некое инобытие, ожидающее человека после смерти или в конце времен. Таким образом, мир и человек в нем отсекались от этого благословенного «царства» и, следовательно, всецело предавались под власть тьмы. «Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17, 21), – учит Писание. Если человек отделился от него, то вовсе не по внешним условиям своего существования, но в силу собственной неправды. Задача христианина не в том, чтобы отвернуться от окружающего мира, раз уж он «во зле лежит», но в том, чтобы изменить себя и стать «человеком от Бога». В Боге подлинная цель жизни и в нравственном совершенствовании «по вечному образу совершенства Отца».

Вся деятельность наша, направленная на изменение материальных условий, должна получить свою соответствующую оценку, должна быть подчинена «духовному закону истинной жизни». Конечно, уничтожить зло в себе собственным волевым усилием человек не может. Даже великие праведники достигли вершин духовной жизни именно в сознании своей греховности и самоосуждении.

В точном смысле слова праведен лишь Христос. Он не причастен греху, Он победил зло, в Нем осуществлена «Божия мысль о бытии». «Следовательно, одним уже тем, что Христос жил в мире, Он вполне оправдал Божие дело создания мира, потому что для этого оправдания только и требуется, чтобы мир соответствовал предвечной цели своего бытия, т. е. чтобы он служил действительным откровением Бога», – пишет В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 750]. Оправдание мира, как творения Бога, не есть, однако, оправдание людей в их отступлении от закона правды.

Грех не может быть извинен, иначе это означало бы примириться с ним, найти самооправдание и успокоиться. Грех не может стать праведным делом в независимости от обстоятельств. Освободиться от греха, значит обрести такое состояние, когда он уже не может существовать, не может быть повторен. Смерть делает грех невозможным, но и умереть можно во грехе. Уничтожается не грех, а грешник. Самоубийство не свидетельство нравственной воли, а напротив, свидетельство полной власти греха над человеком. «Значит, действительное уничтожение греха может создаваться одной только мученической смертью человека за его любовь к нравственному добру», – считает философ [Несмелов, 2017, т. 2, 919]. В самом деле, в этом случае всякая вина становится бывшей, а повторение греха невозможно.

Мученическая смерть, тем не менее, не может быть обязательным нравственным требованием. Любое духовное усилие, следовательно, не достигает своей конечной цели. Невозможно уничтожить в себе греховность как таковую и снять с себя всякую вину.

Человек нуждается в спасении и Спасителе. «Это значение крестной смерти Иисуса Христа как искупительной жертвы за грехи мира представляет собой основной догмат апостольского вероучения», – подчеркивает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 756].

Христианская сотериология вызывала и продолжает вызывать недоумение у мыслящих «язычески». Если существует убеждение, что Бог по своему милосердию может простить любого человека, крестная жертва Иисуса Христа остается непонятной. Если существует представление, что бессмертный дух человека, освободившись от телесных оков, в состоянии встать на путь истинной жизни, христианское учение также остается непонятным.

Апостолы смотрели на жизненное дело Иисуса Христа иначе. Его крестная смерть виделась им предвечно принятым Богом средством для спасения греховного мира. «Нужна была смерть, и надлежало совершиться смерти за всех, во исполнении долга, лежащего на всех. Посему-то,

как сказано выше, поскольку невозможно было умереть Слову, потому что Оно бессмертно, – пришло Оно на Себя тело, которое могло умереть, чтобы, как свое собственное, принести его за всех, и как за всех пострадавшему, по причине пребывания Своего в теле, «упразднить имущую державу смерти, сиречь, диавола, и избавить сих, елицы страхом смерти повинни беша работи» (Евр. 2, 14 – 15)», – учил св. Афанасий Великий [Творения, 1902, 217].

Христиане действовали в языческом мире и вынуждены были проповедовать в особых условиях, сообразуясь с представлениями аудитории. Именно в этих обстоятельствах возникает юридическое истолкование догмата искупления. Грех представляется как оскорбление бесконечной правды, требующей бесконечной жертвы. Крестная смерть Иисуса Христа понимается как плата за людские грехи.

В.И. Несмелов критически относится к такому пониманию догмата. Смерть Иисуса Христа не жертва карающего правосудия, а жертва спасающей Божией любви. Спасение не в том, чтобы человек избежал наказания, а в том, чтобы он примирился с Богом и стал бы «истинным человеком от Бога». Необходимо помнить о христианском креационизме. Бог – Творец мира «видимого и невидимого». Бог не причастен злу и не несет ответственности за грех. Но творение, чтобы быть искаженным, прежде должно просто быть. Только тот, кто создал мир, может принять на себя его грехи. Христианская сотериология может быть понята только в свете креационизма. «Следовательно, догмат искупления в христианском вероучении неразрывно связан с догматом о творении мира, и потому, составить правильное понятие об искупительном значении крестной смерти Иисуса Христа, очевидно, можно не на основании понятия о Боге как о верховном Судии всего мира, а исключительно только на основании христианского учения о Спасителе как об истинном Сыне Божием и как о действительном Творце всего мира», – пишет В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 778].

Сам Творец принял крестную смерть для уничтожения греха. «Принял чужие грехи» не значит отнял их у грешника, оставив того «безработным». Спасение предполагает активную позицию спасаемого. Грешник должен понимать свою вину и искать спасения. Нуждаться в искуплении и верить в действительность искупительной жертвы Иисуса Христа.

Итак, грешнику предоставляется возможность спасения, но он не лишается свободы нравственного выбора и, по-прежнему, имеет возможность предаться добру или злу. Мир, в котором мы живем, все еще не совершенен и представляет собой пространство для борьбы и христианского подвига.

Бог-Слово, «воплотившийся и вочеловечившийся», воспринявший полноту человеческой природы, кроме греха, «благоволил вступить в состав Своего творения». Поскольку это так, мир может быть радикально преобразован, но не уничтожен. Разрушение мира греха есть, одновременно, и созидание «нового неба и новой земли» (2 Петр. 3,13; Апокал. 21, 1). Воскресение Христово – залог всеобщего воскресения. «Действительная глубина жизненного смысла заключается не в бессмертии души человеческой, а только в воскресении человека от мертвых», – напоминает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 791]. Личностная полнота предполагает единство души и тела. Соединение с Божеством самой человеческой природы означает, что каждый «смертный» теперь является членом «вечного тела Христова». Так утверждается «закон воскресения», его «необходимая всеобщность».

Логика христианского учения, несомненно, требует воскресения. Человек не есть бесплотный дух, но дух, действующий в условиях физической природы. Тело соучастник и подвига, и греха. Следовательно, справедливость предполагает, чтобы грядущая бытийная полнота включала в себя и тело.

Представить себе «жизнь будущего века» нам в здешних земных условиях невозможно.

Ясно только, что личное бытие предполагает и мысль, и чувство, и действие. Не механическое воспроизводство одних и тех же состояний, но «свободное развитие творческих сил». «Новая земля» и «новое небо» будут лишены всех тех недугов физического и нравственного мира, с которыми сопряжена наша жизнь здесь и сейчас. «Чувственное видение Божественной славы Иисуса Христа», невозможность скрыться от Его лица, принудят всякого грешника пасть перед Ним и исповедовать свое недостойство. Дьявол увидит, что его замыслы уничтожены.

Вопрос о справедливости и милосердии Бога – Судии мира всегда волновал умы христиан. Само пришествие в мир Спасителя свидетельствует о его безмерном милосердии.

Все люди дохристианской эпохи не имели возможности обрести рай после смерти. Из «Книги Бытия» мы знаем, что по изгнании Адама и Евы из рая Бог «поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Бытие, 3, 24). Иисус Христос сказал раскаявшемуся разбойнику: «Истинно говорю тебе. Ныне же будешь со Мною в раю» (Лука, 23, 43). Он сошел во ад и освободил узников. В.И. Несмелов, большой знаток святоотеческой традиции, в опоре на нее, утверждает, что, если бы души всех людей уподобились разбойнику, и они бы услышали: «Будешь со Мною в раю». День Воскресения стал бы для них днем исполненного обетования и спасения.

Итак, если надежду на спасение имеют грешники древности, могут ли иметь ее не твердые в праведности люди мира христианского? В.И. Несмелов отвечает на этот вопрос утвердительно. Логика его следующая: если грешники древности спасаются исключительно милостью Бога, в силу прощения им грехов, то таким способом могут быть спасены и люди последующей эпохи.

Начнется праведный суд с «дома Божия» (1 Петр. 4, 17), т. е. с людей, составляющих Его Церковь. Откроются подвиги Его избранников, но многим христианам нечем будет оправдаться. В. И Несмелов затрагивает вопрос об умерших младенцах. Им нечего будет рассказать о себе ни дурного, ни хорошего. Он не сомневается, что Спаситель привлечет их к Себе. Будут, конечно, и «безответственные грешники». В каждом Спаситель будет искать доброе семя. Все доброе будет сохранено. «Всякую ценность и всякое значение в мире имеет одно только нравственное добро, и потому оно только одно может перейти и действительно перейдет в вечность будущей жизни», - в этом суть христианства [Несмелов, 2017, т. 2, 865]. Если человек не полностью предался злу, он имеет надежду на милость Бога.

Еще один «злободневный» вопрос, постоянно всплывающий и в современных дискуссиях – это вопрос о судьбах людей нехристианского мира. «По учению христианского откровения, спасительную милость Святого Суда Его могут испытать на себе не одни только грешные христиане, но также и миллионы исповедников всех других религий (Рим. 2, 12 – 15)», - утверждает В.И. Несмелов [Несмелов, 2017, т. 2, 865]. Эти люди не знали Иисуса Христа и умерли во лжи. На суде Христовом они могут лишь признать, что не знали Спасителя и Он может считать их чужими. Тем не менее, эти люди не лишены надежды, они будут судимы по «естественному нравственному закону». Всякий человек делающий добро служит Богу, а «Он спасет, очевидно, все вообще доброе в людях, какую-бы религию они не исповедовали» [Несмелов, 2017, т. 2, 867]. Надо сказать, что эта идея В.И. Несмелова, хотя у него и есть немало предшественников, не является общецерковным учением, но представляет собой его личное мнение, которое, конечно, можно аргументированно оспорить: «Он не перестанет быть Богом спасителем даже и на Всемирном Суде Своём, и кого только может помиловать, всех помилует (Рим. 11,31), и весь мир увидит и прославит тогда превосходящую разумение любовь его», — вот благая весть [Несмелов, 2017, т. 2, 871].

Заключение

В.И. Несмелов предложил свое понимание сущности религии. Она определяется не «мнимоземпирическими» влияниями инобытия, не неким уникальным мистическим опытом, а самим фактом присутствия личности, свидетельствующим о человеке, как о подлинном «образе Бога».

Вступая в противоречие с мнением многих авторитетных христианских мыслителей, он не исключает спасения не только несовершенных христиан, не только язычников, но даже и некоторых падших духов. Был ли он сторонником идеи апокатастасиса? Однозначно ответить сложно. Н. К. Гаврюшин пишет о «достаточно настойчиво проводимой Несмеловым идеи апокатастасиса» [Гаврюшин, 2018]. Действительно, подобные тенденции в «Науке о человеке» прослеживаются, но все-таки, он не учит о всеобщем спасении.

Несмотря на возможные богословские неточности и даже ошибки, работа В.И. Несмелова представляет собой один из наиболее интересных в русской философии опытов осмысления сущности религии и христианской сотериологии.

Библиография

1. Антоний (Храповицкий), еп. Новый опыт учения о богопознании // Антоний (Храповицкий), еп. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Казань: Типо - литография Императорского Университета, 1900. С. 417–431.
2. Бердяев Н. А. Опыт философского оправдания христианства (о книге Несмелова) // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907 – 9 г.). СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1910. С. 274 – 298.
3. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: ЗАО изд-во ЭКСМО-пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999. 624 с.
4. Буткевич Т., священник. Язычество и иудейство ко времени земной жизни Иисуса Христа. К.: «Пролог», 2007. 240 с.
5. Гаврюшин Н.К. Несмелов Виктор Иванович // Православная Энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Том XLIX. М.: Церковно-научный центр «ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 2018. С. 64 – 73.
6. Гаврюшин Н. К. Самопознание как таинство: религиозная антропология // Гаврюшин Н. К. Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород: «Глагол», 2005. 384 с.
7. Добин А. В. Проблема человека в философии В.И. Несмелова: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. 161 с.
8. Дремлюгин Д. М. Религиозно-философские воззрения В.И. Несмелова: дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 145 с.
9. Замилов В. Н. Антропология В.И. Несмелова в контексте русской философии // Философское образование. 2004. № 10. С. 56–63.
10. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х томах. Том II. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. 544 с.
11. Константин (Горянов), еп. Жизнь и религиозно-философская антропология Виктора Несмелова // Христианское чтение. 1998. № 16. С. 5 – 25.
12. Лактанций. Божественные установления. Книги I - VII // Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2007. 512 с.
13. Несмелов В. И. Наука о человеке. В 2 т. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. 936 с. Том первый. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни.
14. Несмелов В. И. Наука о человеке. В 2 т. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. 936 с. Том второй. Метафизика жизни и христианское откровение.
15. Пифагорейские Золотые стихи с комментарием Гиерокла // Пер. с древнегреч. И.Ю. Петер. М.: Алетейа, Новый Акрополь, 2000. 160 с.
16. Платон. Диалоги. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 501 с.
17. Поздняков А.А. Философия религии А.И. Введенского // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 218-236.
18. Половинкин С. М. Персоналистический спиритуализм В.И. Несмелова // *Omnia conjungo*: Сборник научных работ в честь 65-летия проф. В. В. Сербиненко / Ред. О. В. Марченко. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2016. С. 262–307.

19. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 602 с.
20. Соловьев В. С. Оправдание добра. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.
21. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Часть первая. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра собственная тип., 1902. 524 с. // Слово о воплощении Бога-Слова, и о пришествии Его к нам во плоти. 191-263 с.
22. Федотова С. В. Дискуссия о книге В. Несмелова «Наука о человеке» в Петербургском религиозно-философском об-ве (1909) // Актуальные инновационные исследования: Наука и практика. Тамбов, 2008. № 1. С. 32-48.
23. Фейербах Л. Сущность христианства // Фейербах Л. Сочинения. Т. 2. М., Л.: Гос. Изд. – во, 1926. 455 с.
24. Чёртон Тобиас. Гностическая философия. От древней Персии до наших дней. М.: РИПОЛ классик, 2008. 464 с.
25. Шохин В. К. Философия религии и ее исторические формы (античность – конец XVIII в.). М.: Альфа, 2010. 784 с.

Philosophy of religion by V.I. Nesselov. Soteriology

Aleksei A. Pozdnyakov

PhD in History, Associate Professor,
Department of Humanities,
Orel State Institute of Culture,
302020, 15, Leskova str., Orel, Russian Federation;
e-mail: radavoy@yandex.ru

Abstract

This article analyzes some problems of V.I. Nesselov's philosophy of religion. From his point of view, the source of religion should not be sought in external experience. Religion is not a fantastic science of nature. On the other hand, a unique mystical experience also cannot be the real foundation of religion. The presence of a free and intelligent person in this mechanistic world is a genuine source of religiosity. A person strives to realize the nature of his personality. Along the way, he comes to realize the impossibility of achieving his goals on his own. There is a need for salvation and The Savior. The idea of salvation was also known to the ancient world. It consisted in striving for liberation from bodily shackles. Matter and body were perceived as the prison of the soul. Man is the unity of soul and body, an "animated organism". The salvation of man in the fullness of his personal being presupposes resurrection. It is only in Christianity that we find a doctrine of salvation that satisfies our intellectual and moral requirements. Christian soteriology is based on the idea of the Incarnation of God. The Creator of the world himself takes upon himself the fullness of humanity and raises it to the saving cross. The incarnation, the crucifixion, the resurrection and ascension of Jesus Christ are the milestones of our salvation. V.I. Nesselov understands some aspects of soteriology quite widely and not always in accordance with Tradition. He believes that not only faithful Christians have hope of salvation, but also some pagans and maybe even some of the unclean spirits, if they can bring repentance.

For citation

Pozdnyakov A.A. (2024) *Filosofiya religii V.I. Nesselova. Soteriologiya* [Philosophy of religion by V.I. Nesselov. Soteriology]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (5A), pp. 129-143.

Keywords

The philosophy of religion, philosophical anthropology, spiritual and academic philosophy, christianity, "natural religion", soteriology, V.I. Nesselov.

References

1. Antonij (Hrapovickij), ep. Novyj opyt ucheniya o bogopoznani // Antonij (Hrapovickij), ep. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. T. 3. Kazan': Tipo - litografiya Imperatorskogo Universiteta, 1900. S. 417–431.
2. Berdyaev N. A. Opyt filosofskogo opravdaniya hristianstva (o knige Nesselova) // Berdyaev N. A. Duhovnyj krizis intelligencii. Stat'i po obshchestvennoj i religioznoj psihologii (1907 – 9 g.). SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 1910. S. 274 – 298.
3. Berdyaev N. A. Russkaya ideya // Berdyaev N. A. Samopoznanie: Sochineniya. M.: ZAO izd-vo EKSMO-press; Har'kov: Izd-vo Folio, 1999. 624 s.
4. Butkevich T., svyashchennik. Yazychestvo i iudejstvo ko vremeni zemnoj zhizni Iisusa Hrista. K.: «Prolog», 2007. 240 s.
5. Gavryushin N. K. Nesselov Viktor Ivanovich // Pravoslavnaya Enciklopediya / pod redakciej Patriarha moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. Tom XLIX. M.: Cerkovno-nauchnyj centr «PRAVOSLAVNAYA ENCIKLOPEDIYA», 2018. S. 64 – 73.
6. Gavryushin N. K. Samopoznanie kak tainstvo: religioznaya antropologiya // Gavryushin N. K. Russkoe bogoslovie. Ocherki i portrety. Nizhnij Novgorod: «Glagol», 2005. 384 s.
7. Dobin A. V. Problema cheloveka v filosofii V.I. Nesselova: dis. ... kand. filos. nauk. SPb., 1996. 161 s.
8. Dremlyugin D. M. Religiozno-filosofskie vozzreniya V.I. Nesselova: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2000. 145 s.
9. Zamilov V. N. Antropologiya V.I. Nesselova v kontekste russkoj filosofii // Filosofskoe obrazovanie. 2004. № 10. S. 56–63.
10. Zen'kovskij V. V. Istoriya russkoj filosofii. V 2-h tomah. Tom II. Rostov-na-Donu: «Feniks», 1999. 544 s.
11. Konstantin (Goryanov), ep. Zhizn' i religiozno-filosofskaya antropologiya Viktora Nesselova // Hristianskoe chtenie. 1998. № 16. S. 5 – 25.
12. Laktancij. Bozhestvennye ustanovleniya. Knigi I - VII // Per. s lat., vstup. st., komment. i ukazatel' V. M. Tyuleneva. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 2007. 512 s.
13. Nesselov V.I. Nauka o cheloveke. V 2 t. SPb.: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2017. 936 s. Tom pervyj. Opyt psihologicheskoy istorii i kritiki osnovnyh voprosov zhizni.
14. Nesselov V.I. Nauka o cheloveke. V 2 t. SPb.: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2017. 936 s. Tom vtoroj. Metafizika zhizni i hristianskoe otkrovenie.
15. Pifagorejskie Zolotyje stihy s kommentariem Gierokla // Per. s drevnegrech. I.Yu. Peter. M.: Aleteja, Novyj Akropol', 2000. 160 s.
16. Platon. Dialogi. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 501 s.
17. Pozdnyakov A.A. Filosofiya religii A.I. Vvedenskogo // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2017. Tom 6. № 2A. S. 218-236.
18. Polovinkin S. M. Personalisticheskij spiritualizm V.I. Nesselova // Omnia conjungo: Sbornik nauchnyh rabot v chest' 65-letiya prof. V. V. Serbinenko / Red. O. V. Marchenko. M.: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2016. S. 262–307.
19. Prot. Georgij Florovskij. Puti russkogo bogosloviya. Vil'nyus, 1991. 602 s.
20. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra. M.: Institut russkoj civilizacii, Algoritm, 2012. 656 s.
21. Tvoreniya izhe vo svyatyh otca nashego Afanasiya Velikogo, arhipiskopa Aleksandrijskogo. Chast' pervaya. Sergiev Posad: Svyato-Troickaya Sergieva Lavra sobstvennaya tip., 1902. 524 s. // Slovo o voploshchenii Boga-Slova, i o prishestvii Ego k nam vo ploti. 191-263 s.
22. Fedotova S. V. Diskussiya o knige V. Nesselova «Nauka o cheloveke» v Peterburgskom religiozno-filosofskom ob-ve (1909) // Aktual'nye innovacionnye issledovaniya: Nauka i praktika. Tambov, 2008. № 1. S. 32-48.
23. Fejrbah L. Sushchnost' hristianstva // Fejrbah L. Sochineniya. T. 2. M., L.: Gos. Izd. – vo, 1926. 455 s.
24. Chyorton Tobias. Gnosticheskaya filosofiya. Ot drevnej Persii do nashih dnei. M.: RIPOL klassik, 2008. 464 s.
25. Shohin V. K. Filosofiya religii i ee istoricheskie formy (antichnost' – konec XVIII v.). M.: Al'fa, 2010. 784 s.